

Ольга МОРДАШОВА

ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ ВАШЕГО РЕБЕНКА

О ПРАВИЛЬНЫХ ИГРАХ,
ГАДЖЕТАХ, ВОЗРАСТНЫХ КРИЗИСАХ
И СЧАСТЛИВОМ ДЕТСТВЕ

#Секреты умных родителей

#Секреты умных родителей

Ольга Мордашова

**Окно возможностей для
вашего ребенка. О правильных
играх, гаджетах, возрастных
кризисах и счастливом детстве**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 159.922.7

ББК 88.41

Мордашова О.

Окно возможностей для вашего ребенка. О правильных играх, гаджетах, возрастных кризисах и счастливом детстве / О. Мордашова — «Издательство АСТ», 2023 — (#Секреты умных родителей)

ISBN 978-5-17-158421-4

Разностороннее развитие малыша может обеспечить любая семья, для этого не нужны горы игрушек. Но обязательно нужно знать, где проходит граница между нормой и патологией. У родителей теперь будет настоящая карта с подсказками: в какой момент можно подключить к воспитанию гаджеты, как не упустить момент для обучения тем или иным навыкам (и не начать слишком рано), как помочь ребенку выстраивать общение со сверстниками, как не бояться детского сада и как подготовить ребенка к школе. Ольга Мордашова, дефектолог, нейрологопед и специалист по раннему развитию, изучив опыт тысяч детей с нарушениями, дефектами речи, аутизмом, дает мамам и папам четкое объяснение: как происходит развитие ребенка, какие стадии проходит его мозг, каковы опасности в каждый период дошкольного возраста, как их предупредить или избежать.

УДК 159.922.7

ББК 88.41

ISBN 978-5-17-158421-4

© Мордашова О., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Введение. Об авторе	6
Часть 1. Проблемы детского развития	8
О детях и их проблемах – почему это важно для родителей здоровых детей	8
Когда начинаются проблемы	10
На что может повлиять родитель	11
Родовая травма. Почему «плохие» роды не связаны с аутизмом	13
Советское детство. Все лучшее – детям!	15
Декомпенсация	17
Депривация. Пластиковый плен и сенсорное голодание	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ольга Владимировна Мордашова
Окно возможностей для вашего
ребенка. О правильных играх, гаджетах,
возрастных кризисах и счастливом детстве

© Мордашова О., 2023

© Воронина О. фото на обложке, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Введение. Об авторе

Миром детства я интересовалась всегда, хотя и был период, когда я хотела стать ветеринаром. Но сложилось так, как должно было: я из тех редких ископаемых, которые всю жизнь занимаются именно тем, на что учились, и вполне этим удовлетворены. Я работаю с детьми с нарушениями развития более двадцати лет, но мне этого мало – собственных детей у меня четверо, и по мере того, как рос мой младший, я все чаще ловила себя на мысли – и что? и всё? Как же жить дальше?

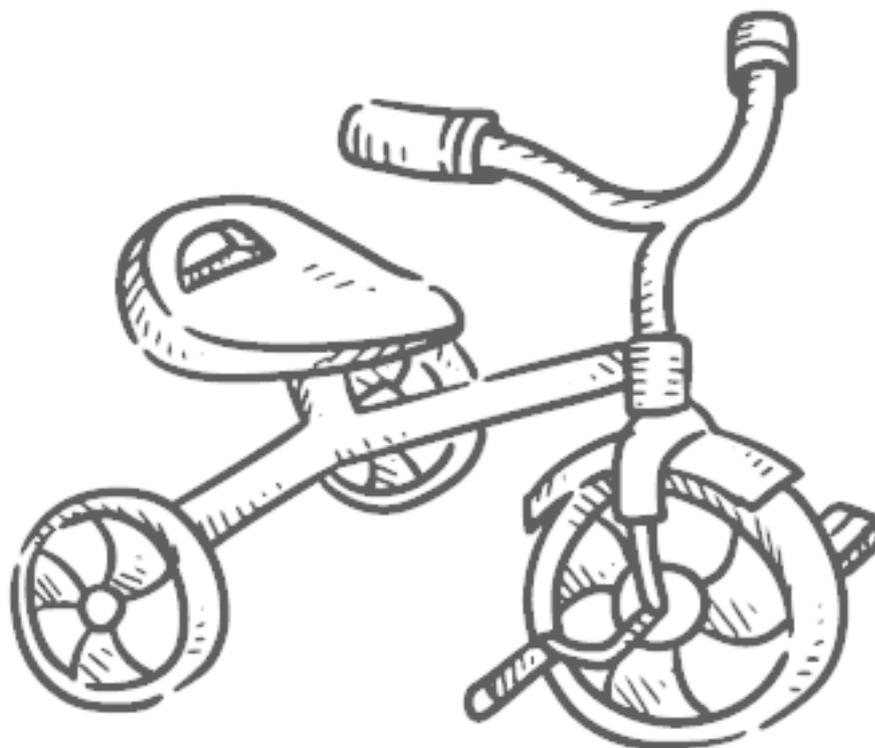
Нет и не было для меня в мире ничего привлекательнее, чем вновь и вновь смотреть на него глазами ребенка, открывая вместе с ребенком. Запах весны в марте – чудо. Первый весенний муравей – чудо. Первое летнее купание, первое море, первый снег липнет к варежкам... Дети живут жадно и в полную силу, и с каждым новым ребенком я училась этому заново. Сейчас, когда младшему сыну уже восемь лет, я надеюсь, что урок усвоен и я смогу двигаться вперед уже без учителя, продолжая жить эту жизнь так, как это делают дети – сполна. Впрочем, почему без учителя? Дети окружают меня, ведь работаю я тоже с детьми. С детьми с нарушениями развития, серьезными и не очень, излечимыми и нет. С неговорящими детьми (какие-то из них заговорят, каким-то это не суждено), с детьми с аутизмом, синдромом Дауна и другими генетическими заболеваниями, детьми с детским церебральным параличом...

Я попала в коррекционную педагогику случайно, но метко и сразу. Просто поступила все равно куда после школы, но это мое решение оказалось судьбоносным. **Никогда за все двадцать лет практики у меня не возникало желания заняться чем-либо другим.** Открывать новые грани в профессии, смотреть на нее под разными углами – да. Заняться, например, профессиональным блогерством. Писательством, вот как сейчас. Руководством мам, жела-

ющих работать со своими детьми самостоятельно, и многим другим. Еще в институте мне были интересны дети с тяжелыми нарушениями развития, и если была возможность выбирать направление практики, я всегда выбирала именно это, шла изучать детей с церебральным параличом, аутизмом, генетическими заболеваниями. Позже, когда родились уже собственные дети, мои мысли развернулись в сторону детства вообще, различных систем воспитания и обучения, поиска именно той, самой подходящей ребенку. А еще чуть позже стало появляться желание все больше анализировать, изучать, проводить параллели между детством среднестатистическим и детством особым. Развивается ли ребенок с проблемами так же, как ребенок обыкновенный, или он идет совершенно другим путем? Работают ли механизмы обучения обычного ребенка применительно к детям особенным, и наоборот? Этим вопросам мы коснемся на страницах книги.

Часть 1. Проблемы детского развития

О детях и их проблемах – почему это важно для родителей здоровых детей

Мир специалистов в области коррекционной педагогики, – мир отсутствия конкуренции. К сожалению, детей с проблемами хватает на всех. И число их растет непрерывно и стремительно. О причинах такой ситуации можно говорить долго, и мы поговорим. А еще – о том, как предотвратить те нарушения развития, которые мы можем предотвратить. Как взаимодействовать с ребенком, чтобы он развивался правильно, учился хорошо, жил счастливо и вам с ним было легко.

Что такое правильное развитие ребенка? Каждый понимает это по-своему, у каждого будущего пока еще родителя есть некие ожидания, определенный мысленный портрет ребенка в разные периоды его жизни. В большинстве случаев этот портрет – мечты о чем-то экстраординарном. Гениальном фигуристе, пианисте, интеллектуале... Разговор на страницах этой книги пойдет не о гениальности. Он будет о гармонии. О норме. О естественном ходе вещей, о том, какие силы движут нормальным ростом и развитием ребенка, и о том, как на эти силы влиять.

У меня есть парочка знакомых классных логопедов, профессионалов своего дела и не только – они открыли центры, в которых детям помогает команда специалистов. Все у них хорошо и успешно, клиентов поток, коррекция грамотно выстроена, но, как признаются они, на старте проектов все было не так радужно и сотрудников приходилось либо менять, либо дополнительно обучать, и вот почему. Обе они на старте решили, что центры их будут чисто логопедическими, только для детей с нарушениями речи – неговорящих, плохо говорящих, с проблемами звукопроизношения. Без этих всех аутизмов. Гладко было на бумаге, но... Рекой

в их центры потек именно аутизм. На десять детей с аутичной симптоматикой – всего один с исключительно речевым дефектом. При этом диагноз «аутизм» в карте у ребенка мог как стоять, так и нет, а вся симптоматика присутствовала. Поэтому юридических оснований для отказа не было абсолютно никаких. Детей должны были брать, а работать с ними не умели. Пришлось в срочном порядке центры переквалифицировать, обучая работать с аутизмом тех, кто не умел, и увольняя тех, кто не хотел.

Это и моя история. Логопедов, дефектологов в вузах не учат работать с аутизмом, знания из области АВА (прикладного анализа поведения), DIRFloortime (индивидуальный терапевтический подход) и тому подобное мы приобретаем уже позже, на платных курсах, кто хочет, разумеется. А так-то я тоже сначала не хотела. Но мало ли чего я не хотела – а они идут. Позиционируешь себя как специалист по работе с безречевыми детьми – а сама отказываешься видеть огромный, пожалуй, самый большой пласт этих безречевых – как так-то? Пришлось учиться, искать подход, вырабатывать свой метод. В этой книге поговорим в основном про нормальное детское развитие, но невозможно говорить о нем, минуя развитие отклоняющееся. Потому что надо знать, на что обратить внимание, какие звоночки не пропустить, когда принять срочные меры и какие.

Когда начинаются проблемы

Ну что вы, он обязательно заговорит. До школы точно заговорит. Вы видели когда-нибудь взрослых неговорящих людей? Ну и ваш заговорит!

Ребенку три года, и мама, обеспокоенная его молчанием, пишет о своей тревоге в родительских группах в Интернете. Ответы чаще всего будут такими, какие перечислены выше, и чаще всего они маму вполне удовлетворят. Случайно же забредший на огонек логопед подивится – уж он-то с не заговорившими до школы сталкивается регулярно. И с не заговорившими вообще – тоже. А ведь многие из этих взрослых неговорящих могли бы говорить либо общаться с социумом другими способами... Если бы были приняты меры.

Ну, это вы на то и дефектологи! У вас работа такая, к вам других и не ведут! Таких людей очень мало, в расчет не берем! В обычной жизни с ними никогда не сталкиваешься...

Правда? Вот совсем по-честному? Ни разу вы не видели ребенка, мычащего и толкающего всех на площадке, не понимающего речь, не умеющего вступать в контакт со сверстниками? Никогда-никогда не видели? Не лукавьте. Видели, и не раз. На площадке, в подъезде, у знакомых, у родственников. Видели. Не могли не видеть. **Официальная статистика всего лишь по одному аутизму сейчас – 1:50.** Один ребенок с аутизмом на пятьдесят обычных. Еще двадцать лет назад было – 1:500. Через десять лет будет 1:10, если не больше. О том, почему так, мы еще поговорим. Пока же, если не верите, загуглите. И это только аутизм. В этой статистике не учтены генетические синдромы, неврологические нарушения, изолированные речевые, нарушения анализаторов... Вы не могли не видеть этих детей, уже довольно больших и, тем не менее, не заговоривших. А вот взрослых не видеть действительно могли. Не пересекаются ваши пути. Вы не сидите в очереди в ПНД и к соцработникам. Да и чего смотреть на них, объединенных общим термином – странные. Чудики. Но они есть. К истории особого детства мы тоже еще вернемся. А пока давайте начнем с наших, обычных. Маленьких. Неговорящих, пока. Обязательно заговорят! Как все предыдущие поколения, они же ничем не отличаются! Не отличаются ли?

Проблемы в развитии ребенка тем серьезнее, чем раньше они появились, либо проявились – это два немножечко разных понятия. Именно поэтому всякие ужасы вроде того же аутизма будут встречаться в начале нашей книги гораздо чаще, чем в ее конце. Малыш улыбается не вам, а яркому цветку на вашей блузке – казалось бы, какая мелочь. А между тем это вовсе не мелочь, а возможный признак серьезных нарушений в развитии. Гораздо более серьезных, чем какое-нибудь нарушение в произношении звуков, впервые обнаруженное вами у ребенка в пять лет. О звоночках, красных флажках непременно поговорим тоже.

На что может повлиять родитель

Возможно, у некоторых из вас есть знакомые, которые решились на принятие в семью ребенка из детского дома. Возможно, вы сделали это сами. И совершив это прекрасное дело, вы сейчас согласно кивнете, если взяли в семью ребенка старше года, оказавшегося в доме ребенка сразу с рождения или с первых месяцев жизни. Ваш приемный ребенок, когда попал в вашу семью, психически и физически здоров точно не был. Медицинские карты малышей из домов ребенка толще, чем у моей семидесятилетней мамы. У них не бывает ОРВИ, сразу пневмония и больничка. Они с ног до головы в аллергических высыпаниях. Они отстают в росте и весе, все, поголовно, хотя их сбалансированно по нормам кормят. Они не говорят до трех-пяти лет, а то и дольше. Они качаются, грызут ногти, лижут веревочки, бьются о стену головой. Неадекватно реагируют на ситуации, не плачут от боли, но кричат часами без причины, не чувствуют опасности или, наоборот, боятся собственной тени. С ними работает целый штат специалистов – дефектологи, логопеды. Но ни один этот ребенок не выходит в норму, пока... Пока не попадает в семью.

И тогда начинаются обыкновенные чудеса. За год вырастает на двадцать сантиметров. Хронические болячки исчезают без следа. Плачет и смеется, как все дети. Интересы сменяются с вычурных на самые детские, обыкновенные.

За всеми этими чудесами стоит много работы и новых родителей, и специалистов. Но почему сейчас, в семье, эффект есть, а раньше, в детдоме, не было? Потому что среда была враждебна для развития. Поэтому дети в детских домах, бывает, рожденные совершенно здоровыми, психически уж точно, демонстрируют симптоматику абсолютно аутичную. Поставь рядом истинного аутиста и этого малыша – не отличите. Только истинный аутизм не лечится, а этот, маска, может быть снят. Чем раньше приняты меры, тем быстрее.

Но опять же, зачем нам это? Вы расскажите про обычных, которые у родных родителей родились, у них и растут! Однако враждебная среда может присутствовать не только в условиях детского дома, но и в семье. И быть причиной серьезных нарушений развития у ребенка. Но прежде чем к этому подобраться, давайте закончим с детскими домами.

В Интернете легко найти черно-белый документальный фильм «Джон». Беременным и только что родившим лучше не смотреть, хотя в нем вроде бы нет совершенно ничего страшного и даже особенно душераздирающего. Однако те, кто смотрел, пишут примерно одинаковые отзывы. Боже, какой ужас. Совершенно невозможно. Слезы из глаз.

Документальный фильм про девять дней из жизни очень маленького мальчика. Джону полтора года. Его мама отправляется в родильный дом за новеньким малышом, а Джон – в детский дом. Нет, что вы, не насовсем. Только на эти девять дней. Джон любимый мамин и папин сынок, и детский дом, куда он пристроен на некоторое время, более чем отличное место. Всего пять детей в группе, отличный уход, сбалансированное питание, хорошие игрушки. Все чистые, одетые, сытые. Всего девять дней. Нет одного в этом прекрасном месте – того единственного близкого взрослого, к которому ребенок мог бы привязаться на то время, пока мамы рядом нет. Персонал работает посменно, и весь этот персонал, хотя приветлив, (и в голову никому не придет обидеть ребенка), далек от мысли заменить малышу маму. Зачем? Сыт, одет. Что еще надо?

Мысль о том, что все же надо что-то еще, пришла в голову психологам, супругам Робертсон. С согласия родителей они вели непрерывную съемку ребенка на протяжении всех девяти

дней, а потом выпустили фильм. **Реакцией британского общества на него было закрытие всех детских домов в стране в течение четырех лет.**

Что же такого ужасного творится с ребенком, которого кормят, поят, моют, по расписанию укладывают спать и не обижают? Всего лишь не оказывают персонального внимания в том размере, в каком он к этому привык и которое совершенно необходимо для детского развития. А на глазах происходит расшатывание здоровья, как физического, так и психического, и наблюдать за этим, зная, что перед глазами не постановочный сюжет, а реальная жизнь, очень жутко. У малыша поднимается температура, начинается насморк, пропадает аппетит, шаткой становится походка, отрешенным – взгляд, исчезает улыбка, появляются аутистимуляции... Здоровый ребенок на глазах превращается в аутичного. Эти проблемы со здоровьем и развитием Джон, вне всякого сомнения, преодолел, вернувшись в семью. Осадочек в виде психотравмы там остался, и немалый. Но Джон вырос все же человеком нормальным, не инвалидизированным. Не так везет многим детям, выросшим в детских домах, родителей не имеющих. Рожденным здоровыми. Растущим – больными. Вырастающим недееспособными. Потому что среда, окружающая их, была развитию врагом.

Но бывает ли такое в семьях? Когда здоровый изначально ребенок в результате неправильного к нему подхода становится не столь здоровым или и вовсе инвалидом? Я начала свой рассказ о здоровом и не очень детстве с разговора о детях-сиротах именно потому, что, к счастью, в семьях таких убедительных иллюстраций влияния враждебной среды на развитие все же не бывает. Да и враждебней ситуации, чем отсутствие близкого взрослого, для ребенка и вообразить трудно, в XXI веке это уже не нужно никому объяснять, поэтому и на детях из детских домов больше останавливаться мы не будем. Наши дети не брошены, наоборот, они залюблены и зацелованы, об их всестороннем здоровье и развитии печется часто не один близкий взрослый, а поколения эдак три, но статистика неумолима – число детей с проблемами в развитии неуклонно и стремительно растет, что же мы делаем не так?! Эта книга – попытка разобраться. А разобравшись – сделать нашу жизнь с ребенком гармоничной, способствующей развитию.

Родовая травма. Почему «плохие» роды не связаны с аутизмом

Когда начинаешь говорить о причинах, ведущих к нарушениям развития у детей, первой из них громко называют какие-то не такие роды. Загубили врачи, не сделали кесарево, хотя надо было. Сделали кесарево, а кесарята все больные, надо было мне самой рожать. Эпидуральную анестезию сделали/не сделали; обезболили/нет; давили/на самотек пустили. Абсолютно любую ситуацию в родах можно представить причиной всех последующих проблем. **Но я задаю следующий вопрос: «А разве родовспоможение стало хуже, чем сорок-пятьдесят лет назад?»** Задумываются... М-м-м... Пожалуй, нет. Лучше стало. Спросите своих мам, как рожали. Уверена, расскажут много интересного. Еще в детстве я случайно нашла мамин журнал «Работница» и цикл статей в нем под общим заголовком «Счастье рождений или муки родов». Тридцать лет прошло, до сих пор помню, читала как триллер, как вообще после этого читая сама рожать решилась, удивляюсь.

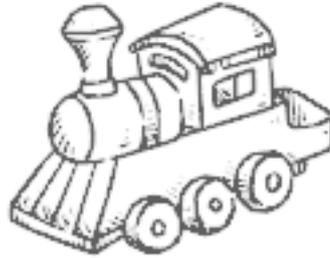
Никаких тебе партнерских родов, никаких платных возможностей. Конвейер с усталыми выгоревшими акушерками: «Че орешь? В постели небось не орала?» Какое совместное пребывание, вы о чем. Какая поддержка грудного вскармливания. Какое... Кстати о грудном вскармливании, которое небезосновательно можно считать панацеей от разных бед. Мало кого кормили грудью из поколения родителей современных детей. Всех – пытались. Но общепринятые тогда советы по организации грудного вскармливания успешно и массово приводили к завершению оногo максимум в три месяца ребенка. Однако вот же вы, нормальные. Негуманно рожденные, неестественно вскормленные. Возможно, с психотравмами, нервные, дерганые. Но нормальные. Заговорила рано, в четыре года читала, в шесть в школу пошла, училась нормально, когда не ленилась... Стандартная история рожденных в 80-е. С рожденными в 90-е уже чуток сложнее. Поколение же 70–80-х в массе своей о логопедах в детстве и не слышало. А, это тот чудик с улицы Таковского... Говоришь, что современные логопеды звуки ставить вообще не успевают, дай бог, чтоб в принципе когда-нибудь клиент заговорил, – удивляются. А что, бывает, что не заговорил?

В нашем поколении такого действительно не было. Ну да, были тяжелые инвалиды. ДЦП был всегда, синдром Дауна был всегда. Большинство таких детей оставляли в роддомах, на улице редко их можно было встретить. Но такого, чтобы родился и рос вроде обычный младенец, а в три года выяснилось, что он, милый и голубоглазый, не говорит и не понимает ничего, – такого почти не было. Были такие дети, конечно, но настолько редко, что к себе и не применить никак. Представляешь, а вот у Петровых... Значит, может быть, не роды?

Мы все привыкли говорить – родовая травма. Современные акушеры согласно кивают – роды в 90 % травма. Кто-то выходит из нее без последствий или с минимальными, а кто-то – глубоким инвалидом. Редко виноваты только роды. Если что-то пошло сильно не так, чаще всего не так было еще в утробе. И процент этого «не так» – за 40–50 лет не особо вырос. Гораздо больше было и есть травмированных в родах, но незначительно. ММД, ПЭП, гипоксия – пишут в выписках из роддома. А часто и ничего не пишут. Просто кричит каждый вечер, просто не спит, просто срыгивает фонтаном, просто гипертонус... Но он растет. И все нормализуется. Идет в школу, нормально ее заканчивает. Или идет и испытывает трудности в обучении. С двойки на тройку, но тоже заканчивает. Или в обычную школу не идет... только коррекционная. На старте эти три категории были вполне одинаковы. Почему же разный финиш?

И почему финишируют по третьему пути сейчас гораздо чаще, чем по первому? И по второму – чаще. Несмотря на партнерские роды и эпидуральные анестезии?!

Потому что есть еще компенсация.

Советское детство. Все лучшее – детям!

Мамы и папы восьмидесятых слыхом не слыхивали, что есть такой зверь – нейропсихолог. Когда эти нынешние бабушки слышат сейчас и интересуются, чем же занимается этот прекрасный специалист, они крутят пальцем у виска. Учит ребенка ползать?! Играть в ладушки и мяч?! Прыгать и раскачиваться?! Вам деньги девать некуда?

Да, то поколение родителей нейропсихологические услуги предоставляло детям абсолютно бесплатно и не задумываясь. **Назывался тот кабинет нейропсихолога – двор.** Городской и деревенский различались незначительно. И в том, и в том дети лет с трех гуляли самостоятельно, бдила с лавочки бессменная Никитична либо Кузьминична, испытывая чувство собственной важности. Самостоятельно – значит долго, это у мамы времени максимум час, Никитична же никуда не спешит. Петя, обедать! Затолкал в себя Петя суп за пять минут – кстати, о супе: запах того бульона из синей курицы, помните, а? – и опять во двор. Синекрасный зимой, коричневый и беловолосый летом, местами тоже синий и мурашчатый после реки, кто ж из нее летом живым выйдет, пятки – проще подковать, чем отмыть, ободранный и синякастый – вот портрет нашего усредненного Пети разлива максимум восьмидесятых. Ловок этот Петя и эта Маша как обезьяна, на местности ориентируется в три секунды, от соседских собак и уж тем более разгневанной Кузьминичны унесется в два счета, назревающий конфликт в песочнице разрулит мгновенно, от мячика в вышибалах, пущенного со скоростью и силой снаряда семнадцатилетним Димоном, увернется без вариантов, иначе ж убьет. Бегает, прыгает (резиночку на шее помните?), плавает, бросает, ягоды и грибы собирает, рисует, читает – а что делать зимой-то, когда задубел? Первое прочитанное слово – мультфильм. В 19.30. Где это на часах? Позвоню Машке, ее номер помню, конечно. И Васькин. И Колькин. И...

В первом классе этот Петя откровенно скучает – читает он уже давно, натренированная рисованием рука выводит буквы легко и непринужденно, три плюс два сложить – да чего там думать-то? Я бидон ягод у Машки пересчитывал – у кого больше? У нее 1120 было, а у меня 1354! Позже, привыкнув, что школа – это какая-то непонятная скучная ерунда, бывает ошарашен вдруг необходимостью что-то подучить, но в целом справляется. Вот Виталик – тот не справляется. Ну, он еще до школы чудиком был, его бабушка за ручку водила по режиму, что с него взять, все ясно.

Ох, прямо вижу я, набирая этот текст, пустившего ностальгическую слезу уже пузатого и лысого Петра Петровича... И Марь Иванну тоже вижу. И Вер Петровну. И Виталия Степановича. Тот хмыкает – мое детство было другим! Я со всякой шпаной не шлялся, мной занимались! В школе непросто было, туповат я был. Но сейчас же вот я – успешный! Нормальный! Конечно, дорогой Виталий Степанович! Но... Не смотрели ли вы с завистью на ребячьи компании – вас не брали в команду, подвели бы... Не хотелось ли и вам – так же быстро, ловко, смело? Не думали ли вы, что корень ваших школьных трудностей и взрослых комплексов – там, в дошкольном детстве? Вздохнет Виталий Степанович – хотелось, конечно... А про школьные трудности – нет, не думал. А такое бывает?

Да, в детстве все завязано теснее, чем нам хотелось бы. Это у нас, взрослых людей, тело с мозгом вроде бы друг с другом никак не пересекаются, детство же плетется тугой косичкой, в которой все за все цепляется и друг без друга не функционирует. Что же случилось в 1990-е? В 2000-е – именно на начало 2000-х пришелся резкий рост числа детей с нарушениями в развитии?

На приеме молодая мама, ей не больше тридцати лет. Ребенку четыре года, развитие в целом на год-полтора. Не отзывается на имя, не говорит и не понимает речь, не интересуется игрушками, не понимает опасности, не умеет кататься на велосипеде или самокате, не может

сам раздеться, не ходит на горшок... Не, не, не... Из интересов – планшет, есть свой собственный. Нет, я не противник, сама как мотивашку использую, да и пара программ для коррекции у меня стоит. Предлагаю одну из них ребенку – при всей удручающей картине развития слово «бык» с картинкой быка он соотносит! Читает?! Понимает связь слова и предмета?! Мама устало и буднично – он всегда такой был. **В реальной жизни – ничего, а с планшетом с полугодом на «ты».** Простите, что вы сказали? С полугодом? Ну да. Мама смотрит, не понимая мое эмоциональное недоумение. На полгодика подарили... А что такого? Современные дети должны разбираться в технологиях! Я сама все детство за компьютером просидела! И вообще все так растут!

Таковы мамы 90-х. Они действительно не понимают. Возможно, не понимаете и возмущаетесь сейчас и вы. А что такого? Я сама в компьютерные игры до сих пор играю! В Интернете с детства общаюсь, как иначе в XXI веке?! И я нормальная! Успешный специалист!

Да, дети 90-х – уже другие. Димы и Саши, рожденные на закате XX века, в годы великих потрясений, действительно выращены на только появившихся у нас игровых приставках и компьютерных играх, общении на форумах и в аське. Компьютер, Интернет, мультики на видеокассетах— часть их жизни, и они действительно вырастают, и действительно чаще всего – обычными людьми, учатся, работают, создают семьи, рожают детей, и... выращивают их по образу и подобию своего счастливого детства. Ведь известно, что детство всегда счастливое, каким бы ни было, ну если не совсем ужасным. Трава зеленее и мороженое слаще. Родители 70–80-х еще читают детям книги, памятуя детство свое, родители 90-х уже не пытаются – не особо-то им самим читали. И сами они – уже не из рано зачитавших. Зато вот телевизор и компьютер был, как им кажется, всегда. Всегда ли? Побьюсь об заклад – в полгода точно не было.

Ну и какая разница? Ну не в полгода, лет в пять уже точно в приставку вовсю играла! А разница – есть.

Декомпенсация

Есть такая картина Веласкеса – «Портрет инфанты Маргариты в белом платье». На картине – странное большеголовое существо женского пола, но возраста неопределенного. Если взрослая женщина, то почему такие пропорции тела? Если ребенок, почему во взрослой неудобной одежде и почему такое взрослое выражение лица?

На картине ребенок, девочка, инфанта. Вот только в Средние века ее детскость никого не волновала. Ребенок – маленькая копия взрослого. Никаких особых отличий от взрослого у него нет, ну разве что знаний и опыта поменьше. Поэтому одежда – взрослая, занятия – взрослые. Знаете, иногда кажется, что мы от Средних веков не так уж далеко ушли.

Нет, различия между взрослым и ребенком нам объяснять вроде как не нужно. Ребенок – бегают, играет, шумит. Одежда ему, конечно же, нужна удобная для движения. Еда особая. Игрушки. Но вот различий между школьником, например, и дошкольником, между дошколенком и двухлетним малышом, между трехлетним и годовалым мы, кажется, не видим. И то – ребенок, и то – ребенок. Тогда как полгода и пять лет – разница. Не большая. Огромная. Разный рост и вес, разные пропорции тела, разный обмен веществ, разное восприятие мира, разные способы получения информации, разная ведущая деятельность... Нет, я ни разу не демонизирую. Я просто утверждаю со всей уверенностью, что ребенок, получивший планшет как основную деятельность в полгода, и ребенок, приобщившийся к удивительному цифровому миру в пять лет, вырастут разными детьми. Первый – с большой вероятностью станет ребенком с нетипичным развитием.

Это дети нового цифрового мира – возгласим мы с придыханием. У них совершенно другое мышление! Они по-другому видят мир! Знаете, совершенно не спорю. Другие. Вот только о детях этого нового мира пока книги по психологии не написаны. Программы их обучения не разработаны, а почему-то все поклонники нового детства хотят своих индиго отдать потом в школу обычную, поближе к дому. А там все по старинке, даже слишком, и рассчитано на способы восприятия более чем традиционные. Диссертации не защищены. Как новых детей обучать – никто вам не расскажет, нет таких специалистов. Хотя, впрочем, есть. Дефектологи. **Ведь большинство клинических случаев нового цифрового детства вполне укладывается в картину отклоняющегося развития. Особого детства.**

«Да надоели вы со своими гаджетами! Прямо в мультиках все зло мира! Да мой ребенок только через мультики и видео вообще и учится!» Сразу хочется спросить: а по-другому вообще пробовали? Не день, не два, хоть месяц продержаться. И посмотреть на изменения. Нет, не могут. В квартире плазма на полстены – важная часть жизни. Фон жизни. Звуковой и визуальный. Ну как еще этот день сурка с младенцем пережить, в самом деле? Себе сериал, ему мультики. Только руки свои нашел ребенок – в них вложен планшет.

Когда я раз за разом осуждающе фыркаю в адрес этого нового цифрового развития, я ощущаю себя кликушей и мракобесом. Ну в самом деле, только ленивый не пофыркал, и вы туда же, а еще серьезный специалист. Этой книгой я как серьезный специалист и выступлю. И от кликушества и фыркания, которое действительно никому не интересно и никого не убеждает, перейду к аргументам. Совсем скоро. А пока всего лишь предложу подумать – почему упомянутый в предыдущей главе специалист под названием нейропсихолог именно ерундой занимается, за которую ваши родители, бабушки ваших детей, ломаного гроша не дали бы? Зачем ползает? Прыгает? Мяч кидает? В песке с ребенком копошится? На качелях качает? В куклы играет? Затем, что это – компенсация. Точнее, в руках специалиста – уже коррекция.

Постановка отклонившегося развития на нормальные рельсы. Компенсация была бы, если бы как-нибудь само. Во дворе. Как в восьмидесятые.

«Ну вы скажете! Как будто мы с ребенком не гуляем!» Гуляете, конечно. Лет до трех на коляске с пятиточечными ремнями, как бы чего не вышло. Потом за ручку по парку лет до восьми, одному ребенку сейчас гулять опасно. В день часа два гуляем, да. «Сверстники? Да как-то нет их в нашем дворе...» А теперь еще раз читаем предыдущую поэму про развитого без специальных занятий Петю. Вообще неважно, рожден ли он путем кесарева сечения либо естественным образом и сосал ли он бутылку или материнскую грудь. Все вредности раннего возраста были скомпенсированы. Вот так просто. Двором. Целыми. Днями. Двором – и сложнейшими для современных детей подвижными играми и играми с правилами. Сколько таких знает ваш ребенок? Прятки? Стоп-земля? А сколько знаете вы? Лично я навскидку особо не утруждаясь, пару десятков назову. Если подумаю – еще десяток выжму. А нейропсихолог штук пятьдесят знает. И будет ими вашего ребенка компенсировать. Корректировать.

Что такое сам этот термин – компенсация? В медицинском смысле – уравнивание, выравнивание наступивших в организме патологических расстройств. Ребенок родился и в процессе родов травмировался. И эта травма либо выровнялась, либо нет. Так вот, обычные дворовые игры на свежем воздухе прекрасно выравнивали. Качественно, эффективно. Сейчас этот механизм сломан, компенсации не происходит, нарастает декомпенсация.

Что же такое декомпенсация? Нарушение нормального функционирования организма, наступающее вследствие истощения возможностей приспособительных механизмов к патологическим изменениям. Патологические изменения есть – а возможностей для их компенсации нет. **Гиподинамия и дефицит общения, характерные для большинства современных детей, эти приспособительные механизмы уничтожают в буквальном смысле на корню.**

Поколение современных детей – декомпенсировано. Всё, целиком. За редчайшим исключением. Последствия декомпенсации у всех разные, не всегда катастрофические. Кто-то всего лишь в строчку во втором классе попасть не может. Ну а кто-то...

Депривация. Пластиковый плен и сенсорное голодание

Хорошо, эти наши декомпенсированные дети – все же как проявляются их проблемы? И вот эта статистика выше – она про аутизм? Но он же врожденный, при чем тут декомпенсация? Вы предлагаете исцелять аутизм дворовыми играми?

Вернемся к главе про детдомовских детей и Джона. Все подряд дети в детских домах – не аутисты, но имеют аутичную картину поведения. Такую же картину продемонстрируют и описанные в педагогической литературе дети-маугли – дети, выращенные в изоляции от других людей. Похожие реакции могут проявлять тяжелобольные соматически дети, видящие вокруг себя в основном больничные стены. **Мимикрируют под аутистов и дети нового цифрового мира.** Все это – маски. Не истинный аутизм. Впрочем, не очень-то и маски, скорее, пластические операции. Личность меняется, и не всегда обратимо. Но при этом такие состояния – не истинный врожденный аутизм, который, без сомнения, есть и который, разумеется, не от телевизора развивается. Почему же именно в аутизм скатываются? Почему не во что-то еще?

Знаете, если меня спросить, я бы все эти состояния, как истинные, так и нет, не аутизмом бы называла, а чем-нибудь вроде недифференцированной задержки развития. В самом деле: приводят ребенка, например, пяти лет. Какие жалобы? Не говорит, не понимает, под колеса машины уверенно шагает, в окно седьмого этажа уверенно стремится, играет кастрюлей с крышкой, у других детей игрушки отнимает... Кого мне описали сейчас? А нормального ребенка. Возрастом этак год. Максимум полтора. Почему это состояние мы называем аутизмом, мне лично понятно не очень. Задержка развития.

Аутизм – вещь достаточно конкретная, корень ее понимания лежит в самом названии. Autos (лат.) – уход в себя. Человек в себе, человек вне мира. А ведь чаще всего дети с отставанием в развитии вполне себе в этом мире бывают. Вот только на уровне, возрасту не соответствующем. У аутизма есть четко прописанные диагностические критерии, составляющие так называемую диаду – две большие группы симптомов. Первая – нарушение социального взаимодействия, вторая – странные интересы и поведение. Пятилетний ребенок признает только маму и с удовольствием весь день собирает и разбирает пирамидку – странно? Для пятилетнего – безусловно. А для годовалого? А для него – нормально. Кто этот ребенок не по возрасту, а по сути? Пятилетка или годовалый? Если годовалый, весь, целиком – почему мы называем это аутизмом? Задержка развития.

Я не хочу сейчас вдаваться в юридические тонкости, но ключ к пониманию, почему в аутизм, как в печку, кидают все случаи нарушений в развитии вообще, лежит, скорее, в этой плоскости, чем в какой-либо другой. Аутизм, во всяком случае в России, более удобен, чем какая-нибудь олигофрения – приговор, который не подлежит снятию. И инвалидность положена, но в то же время и надежды на цензовое образование остаются. А маленьких попробуй разбери, аутизм или маска, подаренная депривацией. Или маска чего-то более серьезного. Лет с пяти уже понятней становится. Ранее – ну пусть аутизм. Назвать как-то надо. Подрастет – может, удастся снять маску вместе с диагнозом. А может, и нет.

Что такое декомпенсация, мы поняли. А что еще за новое слово прозвучало – депривация?

Слово это происходит от латинского *deprivatio* – «потеря, лишение». Лишить можно разного – эмоционального отклика от матери, например. Именно от такого вида депривации страдают дети в детских домах, но эту тему мы уже затронули. В данной главе нас будет больше интересовать депривация другая – сенсорная. То есть недополучение информации различ-

ными органами чувств. Но как у эмоциональной, так и у сенсорной депривации последствия одни – нарушение высших психических функций, отставание в развитии.

Эксперименты, связанные с сенсорной депривацией, проводились и проводятся как на животных, так и на людях. Сравнивали контрольные группы животных – одна выращивалась в богатой стимулами среде, другая – в ограниченном пространстве. Животные из первой группы демонстрировали лучшую приспособляемость, более быструю адаптацию, решали гораздо более сложные задачи эксперимента. Проводились и анатомические исследования, которые выявили, что кора головного мозга у животных, находившихся в сенсорно богатой среде, была толще, кровоснабжалась лучше. Короче, животные из первой группы были умнее. Из второй же мало того, что затруднялись в прохождении любого лабиринта, так еще на досуге лапы до голой кожи обсасывали и от любого изменения шарахались. Чем не аутичная симптоматика?

Некоторые эксперименты на людях подсказала сама жизнь. Полярники на арктических станциях, живущие месяцами в полной тишине либо однообразном шуме вьюги, часто страдают от тревоги, переходящей в депрессию. Распространенность психических заболеваний на Крайнем Севере, в условиях полярной ночи, на 40 % выше, чем в средней полосе. В космонавты и подводники не зря берут самых психически устойчивых – сенсорная депривация такого уровня вполне способна привести к катастрофическим для организма последствиям.

Специальные эксперименты на людях по резкому обеднению сенсорной среды приводили к похожим результатам – уже через несколько часов испытуемым не удавалось ни на чем сосредоточиться, мысли буквально рвались в голове, развивалась повышенная раздражительность или, наоборот, подавленность. Даже после окончания эксперимента в течение суток нарушения внимания и мышления у человека сохранялись. Если эксперимент продолжался – возникали галлюцинации, апатия, обездвиженность.

Вывод из этих экспериментов, как жизненных, так и специально организованных, очевиден. Любое живое существо, человек в том числе, базово нуждается в насыщенной сенсорными стимулами среде. Он должен видеть, слышать, обонять, осязать, двигаться, сохранять равновесие, чувствовать вкус.

Ну и в чем проблема? Мы детям глаза не завязываем и уши не затыкаем, разнообразно кормим, ходить и бегать не запрещаем. Почему у них депривация-то?

Потому что ребенку нужно больше, чем нам. Потому что его головной мозг, в отличие от нашего, только формируется, и формируется он путем установления связей между разными его отделами. Увидел – услышал – добежал – достал – ощутил – облизал... Как огонечек на бикфордовом шнуре, пошел из отдела в отдел сигнал – от зрительного в слуховой, из слухового в тактильный... Мы это яблоко тысячный раз в жизни видим, лиши нас яблок на годы – помнить будем. И цвет, и запах, и вкус, и круглую тяжесть в руках. Наш мозг от этого воспоминания не вырастет, но и не усохнет. У ребенка же, ограниченного в познании мира через анализаторы, целостный образ этого самого яблока не сформируется, связи прервутся, мозг недополучит энергии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.